

Галина Константинова

Мойры не плачут

18+

«Варвара – краса»

Галина Константинова

Мойры не плачут

«Автор»

2019

Константинова Г. П.

Мойры не плачут / Г. П. Константинова — «Автор», 2019

Первый роман из серии «Варвара-краса». Студентка Варвара оказывается втянута в странную историю - школьная подруга, у которой умер отец, просит помощи. Соседка рассказывает о женщине из соседнего подъезда, неожиданно умершей. Варвара кидается в самостоятельное расследование, заручившись удостоверением журналиста и благосклонностью сотрудников полиции. Встреча с парнем Владом на вечеринке переходит в романтические отношения. Любимый ведет себя загадочно и надолго исчезает в заграничной командировке. Постепенно факты складываются в картинку, и страшная правда об убийствах становится явью.

© Константинова Г. П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	35
Глава 14	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Константинова

Мойры не плачут

Часть первая

Любые совпадения имен и событий случайны. Некоторые события происходили в реальности, о чём указано в сносках. Цитаты других авторов также обозначены в сносках.

Глава 1

Февраль заметал замысловатой позёмкой. Но в баре «Азазелло» было тепло.

Здесь собралась небольшая толпа поклонников группы «Босиком по траве». Но Варвара сегодня была не просто зрителем, с ребятами завязался интересный совместный проект, и она должна была читать свои стихи. Было непривычно и волнительно, потому что на публике она не выступала ещё ни разу.

Студенческая жизнь на факультете журналистики местного университета (классического, как любили подчёркивать студенты, чтобы выделиться из общей массы университетов и академий, новоиспечённых на базе бывших институтов) подразумевала бурную тусовочную жизнь.

В «Азазелло» её позвал преподаватель, ну, для неё немного больше, чем просто преподаватель. Про себя она ласково называла его «папиком» из-за сходства с героем «Ассы»¹, не только внешне и по возрасту, но и совпадению по имени-отчеству.

Андрей Валентинович сразу заметил её среди студенток, ещё на первом курсе. Как он говорил, у неё итальянский тип лица – почти чёрные глаза, довольно близко посаженные, свои, натуральные яркие брови, красиво очерченный рот, длинные волосы. Правда, фигура не совсем итальянская была, но это, как говорил Андрей Валентинович, дело поправимое.

Даже не так, говорил ей Андрей, черты лица укладывались в современный стандарт, немного долговязая фигура тоже. Но вот само очарование поворота головы, движения, действовало завораживающе. И экспрессия, взрывная энергия эмоций, почему-то ему вспоминалась Юджения, героиня «Ностальгии»² Тарковского, и он часто об этом говорил Варваре. Собственно, они и сошлись большей частью на тему кино. Немного удивительно было, что такая юная особа интересуется Тарковским и другими старыми мастерами. Что-то было в этой девочке ренессансное. Почему-то он стал называть его «Барбарой», на западный манер.

Сейчас Андрей сидел среди молодёжи и посверкивал в темноте своей лысиной. Он держал Варвару за руку одной рукой и поглаживал её коленку под столом другой. Варвара хотела сосредоточиться на своих стихах, но никак не получалось.

Игорь, солист группы, объявил:

– Друзья, сегодня у нас совместный проект с поэтами. Мне хотелось собрать сегодня разных поэтов – взрывных, лиричных, шокирующих. Представляю вам Варвару Прокопенко. Варя – будущий журналист.

Варвара поднялась на импровизированную цену, наступила тишина, только где-то в углу бара переговаривались официанты.

– Друзья, возможно, моя тема не злободневная. Но, уверена, что каждый когда-нибудь задумывается о своей судьбе. Это стихи о мойрах, которые управляют нашей судьбой.

*Три мойры сидят на краю света,
Ткут жизненный узор судьбы.
Одна тянет жребий, другая заносит в свиток
Неизбежность – пророчество «не-борьбы».
А третья, логики песне внимая,
Свивает нить, которую держим в руках,*

¹ Советский кинофильм, режиссер С. Соловьев.

² Советский кинофильм, режиссер А.Тарковский.

*Продираясь по жизни, слепо и не понимая,
Отчего светел день, отчего тоска...*

Андрей одобрительно кивал головой, но Варвара видела, что особого интереса нет. Конечно, подумала она, это же не про жаркие объятия, нет тут тонких намёков на эротическую борьбу... Публика тоже никак не реагировала. Вернее, публика занималась своими делами – отхлёбывала пиво из больших кружек, хрустела чипсами, орешками, смеялась. Варвара вглядывалась в маленький зал, всего-то с десяток столиков. Может быть, и правда, никто не думает о своей судьбе, ведь жизнь – довольно условная штука. Хотя, нет, всё-таки кто-то её слушает, а не просто присутствует на концерте. Андрей... Его брать в расчёт не стоит, скорее всего, он уже изрядно возбудился.

В углу, почти около самого выхода, она заметила привлекательного молодого человека лет тридцати, высокого, подтянутого, очень уверенного в себе. Правда, на его лице не было и тени интереса к происходящему. Он листал новости в телефоне и не обращал ни на кого внимания. Было видно, что он просто зашёл сюда убить время.

*Глухи они и к мольбам, и к проклятьям.
Но жребий – случаен, а узор как набросок...
А нам остаётся нескучное занятие-
Жить, любить и не задавать вопросов.
И побеждать. Змея вне и внутри себя.
Вспышки – затмения помнить и забывать.
Даже минуту горькую прожив, но любя,
Падая вниз, силы найти взмывать.
Слов-алмазов и слов – ядовитых стрел
Отблески растворяются в звёздной пыли.
Межвременье. Меж-пространство. Образы тел
Исчезнут. Так к чему же мы шли?*

Варвара дочитала стихи, поблагодарила за аплодисменты и направилась за столик Андрея. Неожиданно она поняла, что его рука, которой он неловко приобнял её, помогая сесть, потная. Раньше она этого не замечала.

Она подумала, что он ей, вроде бы, нужен. С ним интересно. Не сравнить с мальчиками её поколения. Хотя, наверное, есть «ботаники», но с ними тоже как-то не продвинешься. Для чего же нужен Андрей...

С ним не думаешь, кто платит в кафе. Родители у Варвары люди довольно обеспеченные, сделали всё, что могли, пусть маленькая, но своя квартира в центре у неё была. Не слишком дорогие поездки тоже оплачивали, но много просить она не могла. Хотелось начать зарабатывать, но как? Кстати, Андрей никогда не намекал, что он ей помогает и что она ему что-то должна. С другой стороны, он был удобный вариант.

Где-то там, за кадром, была его семья.

Да, Варвара путешествовала либо одна, либо с родителями. Но угрызений совести не чувствовала. Она твёрдо убедила себя в том, что не разрушает семью. Ведь не заставляет она Андрея разводиться с женой. Не названивает вечерами, если знает, что он дома, и разговор может вызвать подозрение. Для чего нужен Андрей... Странно.

Она вроде бы на концерте, на сцену как раз выходил парень с молодой улыбкой и начинает читать свои провокационные стихи. А ей становится скучно от одной мысли о папике. Что будет дальше, известно наперёд. Они с Андреем либо прогуляются, либо вызовут такси, и поедут к Варваре. Она заметила, что Андрей почти не пил сегодня. Хорошо это или нет...

Странно. Не пил, значит, возможно, ему не нужно рано домой. К тому же сегодня пятница. А если бы пил... Всё равно он её выматывает за ночь. Будто это в последний раз.

Варвара взглянула в угол, где сидел тот самый парень с прямой спиной. Она почувствовала некую досаду, увидев, что за столик к нему уже присела девушка, довольно пьяная. Она хлопала большими глазами и вытирала слёзы по щекам. М-да... Похоже, мальчик попал. Рассказывает ему эта лупоглазая девица, наверняка, историю своей беспросветной жизни или что-то вроде того. Очередная мыльная опера. Кажется, так лет двадцать назад именовались бесконечные сериалы про рабынь Изаур и простых девушек с именем Мария.

К Варваре наклонился Андрей и зашептал в ухо:

– Барбара, может, мы пойдём?

– погоди немного, сейчас Женька должен выступить.

Игорь пригласил поэта Евгения. Он откинул длинную чёлку назад и принял какую-то довольно комичную позу. Немного скованно держится, подумала Варвара. Она взглянула на него с обожанием, они вместе учились в группе, а Женька был всеобщим любимцем.

*Вы говорите – общество,
Вы говорите – мир.
Уговорить пытаетесь себя,
Напевая как мантру –
«я против революции!».
Подразумеваете – на наш век хватит.
Хватит!
А если не хватит, добавит братия!
Диктатура бабла – ваша демократия.*

*Знаком доллара – змеи обвивающей шею –
Удушены все надежды на справедливость.
Не завидую, говорю, как умею:
К вам никто не проявит милость.
Ни свои, одурманенные жаждой наживы, твари,
Ни монастыри, ни нищие,
Ни я, и не мой товарищ,
Как немой, стиснув зубы, пробивший днище,
Опостылевшей баржи существования.*

*Вы говорите – мир,
Намекая на величие, силу прогрессивного общества...
Что в вас прогрессивного, что общего?³*

Андрей, кажется, стал нервничать, будто ревновать. Но Варвара не обращала на него внимания. «Папик» есть «папик», ему и положено нервничать. Она взглянула на вход в зал, таинственный незнакомец уходил с развязной девицей, придерживая её за талию или чуть ниже. Девица сильно шаталась, несколько мужчин с характерными рокерными атрибутами глядели ей вслед. Игорь пел в микрофон:

Колесница любви сотрёт меня в порошок

³ Стихи Евгения Колпакова.

И скинет нафиг с плоской земли...⁴

Андрей схватил её, неуклюже чмокнул в щёку. Потянул танцевать. Но Варвара повела плечом с капризной миной.

⁴ Песня «Колесница любви» (группа «Танцы на траве»).

Глава 2

Влад почти тащил на себе эту случайную девушку Диану. Угораздило же её так напиться! Зачем я только с ней связался, думал он с досадой. Нет же, надавила на жалость. Сказала, что вот те бугаи приставали к ней, пока она курила перед баром. Может, это просто враньё? Сейчас уже проверять некогда, придётся ей помогать. Самое интересное, что живёт она далеко, но говорит, что муж не пустит её в таком виде домой. Да уж, интересная семейка. Делать нечего, Влад тащил её к себе.

Иногда закрадывалась мысль, а не сворует ли она что-нибудь. Это подсказывал внутренний голос самосохранения. Но что у него воровать в коммунальной квартире?

Квартира была расположена в сталинском доме, рядом с «башней смерти», так в городе называли здание сталинской эпохи, в котором располагались органы внутренних дел. За башней с правой стороны продолжается главная улица города, но здесь она называется «тихий компрос». Здесь нет общественного транспорта, поэтому и тихий.

Квартира досталась Владу Моршанскому от матери. Вернее, не квартира, а всего лишь две комнаты. В далёкие нулевые отношения в семье стали разлаживаться. Мать всё чаще уходила в запой, ставший привычкой в 90-е, а отец всё чаще уходил из дому или скрывался в командировках. Работал он рядом на заводе инженером, и, скорее всего, сам напрашивался на длительные командировки. Владу было шестнадцать, самое время взросления и протеста. Он хотел сблизиться с отцом, но тот отдалялся всё больше.

Мать... Он вспоминал те годы, когда всё было хорошо. Не так, чтобы очень хорошо, конечно. Странно, были ужасные годы наступления либерализма и демократии, и под этот мощный сапог молодого капитализма попали многие. Не платили зарплату на заводе отцу, и семья выживала за счёт зарплаты матери, она работала тогда в детском саду через дорогу. И не только за счёт копеек бюджетного работника, но и за счёт того, что можно было хоть иногда взять что-то на кухне. Стыдно ли было матери таскать с работы котлетки? Наверное, стыдно. Но бабушка рассказывала, что во время войны она работала в столовой. И их проверяли. Вынести было ничего невозможно. Но дома дети. А хлеба по карточкам мало. Вот женщины и придумали, налепят тесто вокруг груди, а дома лепешку из него испекут. Так и выжили.

90-е, казалось, не война. Но это была борьба за выживание. Это с экранов говорили, как здорово жить при рыночной экономике, а тоталитарный режим должен умереть. А в кулуарах чубайсы говорили, что неважно, насколько уменьшится население. Они «просто не вписались в рынок».

Мать... Борьба за выживание её подкосила. Она стала выпивать, причём не самое качественное. Кажется, был какой-то технический спирт «ройаль», который разбавляли водой и продавали вместо водки. Сначала отец хотел её спасти, а потом махнул рукой. Тогда, в тяжёлые годы, он не бросал их. А потом нашёл себе даму из Подмосковья, познакомился во время командировки. Видимо, он откладывал что-то, готовился к побегу.

Потом вдруг заявил, что хочет свою долю, которая ему положена. Квартиру семья только что приватизировала. Юристы подсказали ему, что, если не получится разменять, то можно просто продать долю хоть кому. А вот мать этого нюанса не уловила. Расписалась за заказное письмо, в котором он предлагал купить ей свою долю по невозможной цене. Дальше, как положено. Время вышло, и отец выставляет свою долю на рынок. Рынок в те годы был на подъёме, цены росли, ушлые риэлторы перекупили у него эту долю и потом вселили в квартиру одинокого пьянчужку. В общем, из трёхкомнатной квартиры получилась коммуналка.

Мать приняла на себя и этот удар. Она уже практически не могла работать. Влад старался в школе, чтобы получить хороший аттестат и поступить в ВУЗ. Почему-то ему очень хотелось стать адвокатом.

Школу он закончил с золотой медалью и поступил в местный университет. Подрабатывал вечерами, практически с первого курса. На курсе ему сочувствовали, а преподавательница с кафедры позвонила бывшему выпускнику и замолвила словечко. Так он стал понемногу помогать адвокату составлять заявления и работать с документами.

Он пробовал лечить мать. Здесь ему очень помог Артур Александрович, который выво-дил её из запоев, приезжал по первому зову, ставил капельницы с гемодезом, помогал психологически.

На третьем курсе пришлось положить её в больницу – у неё пошли необратимые психи-ческие изменения. Артур Александрович договорился.

После психушки она уже не выходила из дому, просто тупо сидела и смотрела в окно. Влад подозревал, что сосед по квартире периодически снабжал её алкогольными суррогатами. На зимние каникулы он собрался ехать в Москву с однокурсниками, там были какие-то воз-можности недорого разместиться. Его не было всего лишь неделю, он звонил каждый день, но пропустил один день. После этого домашний телефон не отвечал.

Он приехал в январский морозный день, открыл дверь ключом. В квартире было подо-зрительно тихо. Воздух был спёртый, он заскочил на кухню и открыл окно. Толкнул дверь в комнату матери, но она была закрыта на шпингалет изнутри.

– Мама!

Он стал давить на дверь со всей силы и в конце концов выломал её. Она лежала просто в кровати. Пульса не было. Дыхания не было.

Он вышел в коридор и постучался к соседу. Сосед вышел, протирая глаза.

– Ты давно её видел?

Сосед заглядывал в комнату, за спину Влада.

– А... что с ней?

– Она не дышит.

– Я... я...

– Когда ты с ней последний раз разговаривал?

– Я уезжал... в деревню.

– Хорошо. Ты хоть понимаешь, что ты будешь первым подозреваемым? У тебя есть билеты, на чём ты там ездешь в свою деревню?

– Нету... Выбросил.

– Кто-то может подтвердить, что ты реально там был?

– Ну, кум мой...

– Понятно.

Влад вызвал милицию.

Происходившее далее он помнит смутно. Пытался позвонить отцу, почему-то думал, что он приедет, не так много времени прошло... Очень надеялся, что он его поддержит. Отец при-ехал на день похорон, но был холоден. Провожавших в последний путь было немного. При-чиной смерти была тромбоэмболия, неожиданно оторвавшийся тромб, последствия варикоз-ного расширения вен на ногах. Возможно, она звала на помощь, но никого не было. Сосед по квартире приехал за день до появления Влада. А смерть наступила раньше. Влад не успел буквально пару-тройку дней...

В тех прошло уже больше десяти лет. Сосед всё еще держался, но был очень тихим.

... Влад тащил девушку Диану на себе и вспоминал, есть ли у него дома еда в холо-дильнике. Конечно, не совсем на себе, а на такси, машину он оставил дома. Благо тут было несколько кварталов вверх по компросу.

– Эй, заходим в подъезд!

– Уже пришли?

Влад помогал вылезти ей из машины. Сначала она выставила ногу в ажурном чулке, и Влад заметил, что выше колена образовалась дырка. Что-то брезгливое отобразилось на его лице.

– Ну, пупсик, не надо морщиться... Дианочка напилась... Слушай... Мне нужно в туалет...

– Господи... Пошли.

В квартире было пусто, сосед уехал в деревню. Влад хотел продать эту квартиру, но сосед не соглашался. Ему было здесь удобно. Он терпел грохот от колонок, когда Влад включал Rammstein. В общем, он никуда не хотел ехать. Значит, придётся делать как отец, продавать долю. Влад приглядывал квартиры в новых домах и подкапливал.

... Диана зашла в комнату и сразу упала на раздвинутый диван.

– Тебя раздеть?

– Ты хочешь? – спросила она заплетающимся языком.

– О чём ты?

– Ты что, мальчик?

Влад достал плед и кинул на диван.

– Ты будешь спать отдельно?

– Да, в соседней комнате.

– Мы так не договаривались! – она пыталась приподняться с дивана, но даже руки не хотели её держать.

Хуже нет ситуации, в которой тебя домогается пьяная женщина. Или даже не пьяная. Неважно, в каком она состоянии. Вернее, важно. В голове Влада понёсся поток мыслей. Он вспомнил вдруг ту брюнетку, которая читала стихи в этом чёртовом «Азazelло». Кажется, Варвара. Стихи, конечно, ни о чём, мойры, кому они сейчас сдались, эти мойры. Сама девица была хороша. Стройная, красивая... Эта Диана на лицо вроде тоже ничего, но вот попа великовата. Поэтому вся фигура кажется тяжёлой. А Варвара как лань, такая воздушная девушка-поэтесса... Что-то говорил ведущий, в универе учится. Да, в универе, кажется.

Влад взглянул на комнату, это была его комната, стоял письменный стол с фотографией матери, рядом был шкаф с книгами от неё, да, она когда-то много читала. Давно. В прошлой жизни. Надо завтра утром помедитировать, пока это чудовище не проснётся. Да, и план составить.

Совсем недавно он погружался в тренинг местного гуру Скоробогатова, по постановке целей и раскрытию таланта. Была программа по личностному росту, и её нужно было прорабатывать каждый день. Сегодня он был в ступоре весь день, почему он и потащился в этот бар. Влад лёг на кровать в другой комнате и начал повторять аффирмации для погружения в сон. Кажется, Диана всё-таки уже уснула. Значит, всё идёт по плану... Завтра выходной, выпровожу девушку, пусть едет к своему благоверному...

Глава 3

Варвара проводила Андрея с утра, действительно, он остался на ночь. Была суббота, но занятия отсутствовали. Позвонила одноклассница, Верочка, не общались давно.

– Привет, Варя. Мне нужна твоя помощь.

– Что случилось?

– У меня отец умер. Можно я приду?

Верочка была обычной девочкой из класса, звёзд с неба не хватала. После школы её мотало туда-сюда, то в пединститут, то работать в торговле, то ещё новая идея вдруг зарождалась в её прекрасной, не обременённой сложными мыслями, головке. В общем, в итоге, остальные хоть куда-то пристроились, а Верочка так и осталась на временных работах. Про отца Верочки Варвара знала немного. Вроде даже институт закончил, но почему-то инженером не работал, впрочем, это нормальное явление для людей поколения, которые вышли из институтов сразу в суровую жизнь перестройки.

Варвара знала, что он в советские годы занимался «фарцовкой» – перепродавал пластинки, когда она приходила к ним домой, удивлялась фирменным, ещё тогда выпущенным, дискам Pink Floyd, Queen, Abba. Это было удивительно – звук из колонок и проигрыватель Pioneer, что-то завораживающее в этих странных чёрных дисках, которые отец Верочки доставал из конвертиков. Да, потом он был фотографом, и довольно неплохим, его приглашали в тематические лагеря, он был там на хорошем счету. Правда, пил. В последние годы Варвара не знала, что могло произойти.

Верочка выглядела осунувшейся.

– Рассказывай.

– Ну... Так давно мы с ним не виделись. – Она шмыгнула носом, – В общем, мы с отцом последнее время вообще общаться не хотели. Мы уехали. Мать хотела оформить что-то вроде недееспособности, чтобы квартиру дедушки не продал, но не получилось.

– И?

– В общем, он жил, собирал бутылки, сдавал... Мать платила за квартиру. Нам запрещала видеться, сама иногда приходила, прибиралась. – Верочка помолчала, вид у неё был немного виноватый. – А тут пришла, дверь изнутри заперта. Раз пришла, два пришла. На звонки не отвечает. Вызвала полицию, вскрыть дверь. Ну, и тело обнаружили...

– Причину смерти сказали?

– Вроде как пневмония с осложнением на сердце, ну, ты понимаешь, он лежал в квартире уже почти месяц, там, конечно, никто точную дату сказать не может, но примерно так.

– Хорошо. А что ты видишь в этом странного?

– Понимаешь... Как-то всё равно странно. Я ходила с матерью на квартиру, помогать там всё мыть и так далее... Соседок спрашивала, я некоторых чисто зрительно раньше видела. Они говорят – да, видели его, собирал бутылки, здоровался, не буянил. Вот заметили какого-то молодого человека вроде с ним. Но ничего подозрительного, по виду студент, одет нормально, удивились, что он с ним разговаривает. Ну там краем уха слышали, что обсуждали фотографии. Отец уже давно фотографией не занимался, и причём, оборудования тоже в доме-то нет. Может, его обокрали, убили потом?

– Ну хорошо, в полицию ходила?

– Там участок у нас, в том длинном доме напротив гимназии, наш участковый там. Я к нему пришла, он мне все бумаги, конечно, дал. Я ведь дочь. Говорит, нет состава преступления. Потому что он просто лежал вроде как на кровати, следов взлома нет, да и самое главное, он изнутри заперт на затвор был. Вроде как невозможно вот так было бы убить... И потом, человек пил, никто, конечно, заниматься этим не хочет, – закончила она обречённо.

– Хорошо, а чем я могу помочь?

– Ну, ты вроде журналистикой занимаешься. Может, где-нибудь напишешь, вдруг кто-то что-то знает ещё про эту историю. У него и друзей-то не было. Коллеги стороной обходили. Я помню, встретила вожатую из английского лагеря, тоже туда ездила. Она так странно меня спросила, давно ли я отца навещала.

– Когда это было?

– Месяца три назад.

– Да... Практически нет никакой информации. Журналистское расследование... Тема интересная, конечно, но вот кто опубликует... Андрей... Да-да. Ладно, Верочка, я должна тут еще некоторые дела сделать, в общем, созвонимся.

Глава 4

Надо было позвонить Андрею, но Варвара предполагала, что он дома и отсыпается после бурной ночи. Староват стал папик, конечно. Однако... Он может мне помочь. Кажется, у него в областной газете кто-то есть, даже вроде редактор, то ли учились вместе, то ли пили вместе, неважно. Городок маленький, каждый знает всех собак. План статьи начал вырисовываться сам собой. Так, нужно пойти издалека, да, вообще от этого поколения, им сейчас под полтинник или около того. Кто они? Поколение последних, кто успел закончить ВУЗ в Советской стране. Опять эта пропаганда советской власти ни к чему, хватит мне революционера в виде Женечки.

Да... Мальчик тоже может быть полезен, потому что увлекается фотографией. Хорошо. И так, что с этим поколением. Воспитаны при «совке». Грубовато. Но ведь образование там было самое что ни на есть качественное. Учителя детей воспитывали, а не просто оказывали образовательную услугу. Да... Что там главное в том поколении.

Варвара на минуту задумалась, ведь её родители тоже принадлежали к поколению поздних 60-х. Странно, мы никогда об этом не говорили, что там было в той далёкой стране. Видимо, было не до того. Выживание... Она встряхнула волосами и набрала Андрея.

– Андрюша, привет.

– Привет...

– Я недолго, разговор деловой, даже жена твоя ничего не поймёт. В общем, мне нужно статью опубликовать, я хочу провести журналистское расследование.

– Вот как. И где и о чём Вы, милочка, хотите написать?

Варвара поняла, что жена прислушивается.

– Всё просто. Я хочу написать о поколении, родившихся в поздние 60-е, им сейчас по пятьдесят или около того. В общем, поколение, которое так и не вписалось в рынок и которое уходит со сцены, при чём тут есть какой-то намёк на криминал. Я чувствую, понимаешь, интуитивно чувствую. Ко мне пришла сегодня одноклассница...

– Ну хорошо, у меня есть на примете один мой сокурсник, Константин. Я Вас направлю в редакцию, как только с ним созвонюсь. И, пожалуйста, жду от Вас письма по почте – а именно – краткого содержания этой статьи. Я понимаю, что у вас её пока нет, но нам нужно составить план. Потом, если Вы считаете, что там криминал, тогда необходимо будет оформить какие-то документы, чтобы Вы не просто бегали по подъездам, а могли обращаться в органы полиции...

Андрей торопился и уже начал переигрывать свою роль преподавателя. Варвара веселилась в душе и понимала, что старичок будет стараться изо всех сил. Внезапно она поняла, что практически их союз и есть поколение родители – дети, и потому ей хочется о нём иногда позаботиться, как о стареющем человеке, а он прощает ей разные шалости, которые позволительно прощать ребёнку.

История отца Верочки крутилась в голове, но Варвара понимала, что пока действовать рано. Варвара решила почитать новости. Но мысли о последнем советском поколении не покидали. Отца Верочки звали Родион Чесноков. Редкое имя. Смотрим... Да, был в сети почти три месяца назад. Интересно... Оказывается, Женька у нас общий друг. Интересно... Фото Родиона уже довольно древние. Если пил, наверное, уже выглядел не очень, да если и голодал... Как же так. Друзей на самом деле немного, да и записей тоже. Есть записи трёхлетней давности, тут еще реклама про лингвистический лагерь. Про смерть ничего не написано. Ладно.

Варвара глянула на окно, вечер. Вспомнила, ведь нужно снять наличные. Так, где у нас банкомат, на Ленина, совсем рядом.

Глава 5

...Моршанский проехал мост и вырулил на Ленина. Пришлось всё-таки везти эту Диану практически до дома, иначе её выпроводить было невозможно. Сначала он хотел дать денег на такси, потом передумал. День прошёл крайне скучно, потому что Диана реально начала его помогать, как только протрезвела. Влад поморщил лоб от этой мысли. Не то, чтобы он был монахом, нет. Но сейчас его интересовали совсем другие дела, да и в голове почему-то застряла эта девушка с волнистым взглядом. Почему волнистым, он не знал, да и лирика была ему не присуща. М-да. А вообще, ему ещё нужно было заехать в Макдональдс, было небольшое дельце, обговорить. Правда, там могли быть не совсем адекватные люди. Что делать?

Сейчас народу в таких забегаловках много, с одной стороны, нет лишних столиков, с другой, можно зайти в другой бар. Телефон сообщил, что пришла смс. Так, шеф работает чётко. Молодец. Хотя не всегда, конечно, молодец.

На углу улицы Ленина Моршанский заметил девушку в белой шубке с рисунком совы на спине. Постепенно он понял, что это и была Варвара, с которой он виделся в «Азазелло» вчера. Вот ведь сводит нас судьба практически каждый день... Варвара зашла в кабинку банкомата, встала спиной и начала набирать пин-код.

В сторону кабинки метнулась серая фигура, дверь, которая должна была быть герметично закрытой, спокойно открылась, и человек, быстро натянув шлем на лицо, скрылся в кабине. Моршанский на секунду представил, что он сейчас схватил за горло Варвару.

Быстро притормозив, он выскочил из машины и двинулся в сторону кабинки. Буквально пять или шесть шагов. Человек выскочил из кабинки и побежал в проход между домами. Моршанский открыл кабинку, и на землю упала большая монетка. Видимо, он заранее заблокировал дверь, чтобы кабинка не могла закрыться. А Варвара, как все невнимательные женщины филологического разлива, даже не заметила этого. Она сидела на полу, подняла на него удивлённые глаза.

– В тобой все в порядке?

– Да...

– Что он сделал?

– Немного придушил... Пришлось снять сумму, которую он просил, десять тысяч.

– Сумма не такая великая, но всё равно нужно писать заявление. Ты видела его лицо?

– Нет, он маску надел.

– Ладно, вставай, – Моршанский помог Варваре подняться, – Кстати, мы ведь виделись.

Вчера. В «Азазелло». Влад.

– Варвара...

– У тебя шуба испачкалась. Видимо, в химчистку придётся отдавать. Слушай... у меня тут встреча недалеко... скоро. Ты далеко живёшь? Я подброшу, если что. Ну, и если пойдешь в полицию писать заявление, то вот мой телефон, – Влад протянул визитку.

– Да... Нет, я сама дойду, тут близко совсем.

Глава 6

На компросе было многолюдно, Моршанский зашел в Макдональдс на пересечении с улицей Ленина и сел за столик. Времени ещё было достаточно, чтобы купить фастфуд. На всякий случай он положил на столик журнал «Рот фронт», была договорённость, что на столике будет лежать какой-нибудь журнал о роке. Он уже приготовился листать новости, как к столику подошла румяная женщина неопределённого возраста.

– Свободно? Роком интересуетесь? – вопрос звучал очень глупо, потому что было совершенно понятно, что женщина в таком возрасте вряд ли помнит даже «мы ждём перемен», не то что знать нынешние веяния. Но таковы были правила игры.

– Показывайте.

– Ну вот, смотрите сами.

Женщина протянула фотографию. Женщина лет пятидесяти прямо смотрела в объектив.

– Так... А со здоровьем у неё как, всё нормально? С виду вроде хорошо, но на самом деле?

– Да вроде не жаловалась.

– Хорошо я попробую помочь, вот мой телефон, – Моршанский написал на листочке.

Женщина протянула конверт. Мельком взглянув, Моршанский быстро убрал его в карман. Тут он вспомнил, что на самом деле дал телефон Варваре, а у неё забыл попросить. Теперь ждать у моря погоды, когда она позвонит. Ладно, у Дианы телефон взял. Хотя, встречаться с ней не сильно хотелось, но зародилась идея. Румяная женщина тихонько встала и пошла к выходу, пугливо озираясь. Но на неё никто не обращал внимания, кроме охранника у двери, который быстро оценил обстановку, что тетя ничего не купила, а пришла просто посидеть.

Глава 7

Варвара пришла домой и свалилась на диван. Странный день. Идти в полицию не хотелось, но в голове возник план – сходить в участок полиции. Ведь Родион Чесноков территориально жил в центре, да, и участок у нас совпадает. Да и вообще... Тот длинный дом, как змея, на улице Пушкина. Варвара достала визитку.

– Алло... Влад? Это Варвара. Слушай, я хотела тебя попросить, подвезти меня до полицейского участка, я как-то не в себе, можешь помочь?

– Да... Говори, куда подъехать.

– Недалеко от Политеха.

Варвара переделась в простенький пуховик. Шубу придётся отдавать в химчистку. Верно, по нашему городу в белых шубках ходить затруднительно. Хотя... Снег не белый, и даже по центральной улице Ленина стоят горы с чёрными разводами. Скоро, очень скоро градоначальник схватится за ум и начнёт трубить, что пора вывозить снег. И тогда во всех дворах поставят натянут оградительные ленточки, для неудобства пешеходов, привыкших пересекать расстояния по диагоналям между домами. Гипотенуза в любом случае короче двух катетов, и это горожане знают хорошо, как и то, что, во всяком случае в центре, Модерах⁵ расчертил улицы практически правильными квадратами.

Варвара увидела серо-голубой «Рено» Влада. Да, фамилия у него Моршанский. Это она прочитала на визитке. Работает менеджером по развитию бизнеса в одной ИТ-контуре. Неплохо.

– Привет. Пристёгивайся. Как ты?

– Да получше.

– Вид у тебя в этой чёрной куртке как у гота. Впрочем, нормально. Я тебе объясню, почему так произошло. Старый трюк – заблокировать электромагнит у двери. Просто он поджидал тебя. Вероятность поймать невелика, конечно.

Припарковаться пришлось у тротуара, участковый пункт находился в цокольном этаже дома, извивающегося, словно змея. Перед дверью на улице стоял участковый, почти мальчишка лет двадцати, и курил.

– Добрый вечер. – сказал Моршанский. – Нам нужно заявление оформить.

– Проходите, – не совсем любезно отозвался участковый.

Рассказав про ограбление, Варвара сидела молча. Участковый строчил протокол. Потом взял трубку и сказал:

– Виктор Николаевич, можете подойти?

В кабинет зашёл невысокий человек лет пятидесяти с чем-то, волосы ёжиком, в очках и с улыбкой на лице. Что-то было в нём такое подкупающее, ямочки на щеках, не начальник, а душечка.

– Виктор Николаевич, кажется, это наш знакомый. Блокирует двери банкоматов и грабит тех, кто туда заходит. Уже пятый случай по нашему району. Исполнение везде одинаковое, то есть, натягивает шлем-шапку и различить невозможно. Банкоматы разных банков. Суммы тоже разные, вот девушка на десять тысяч пострадала.

– Понятненько. – Виктор Николаевич будто потирал руки от удовольствия, улыбка так и не сходила с его лица. – Ну что, Алексей, будем решать и это уравнение. Это, конечно, не на скрипочке играть, но и не Фихтенгольца зубрить. Итак, молодой человек, а Вы что заметили?

– Да, собственно, ничего особенного, просто я видел со спины, волосы тёмные, хвостик. Потом он натянул шлем. Скрылся в проходе между домами. Да... я заметил, он немного при-

⁵ К.Ф. Модерах, губернатор Перми, основной разработчик устройства дорог.

храмывает. Ну, или не прихрамывает, а как-бы с натугой ставит ногу. Такое бывает при некоторых заболеваниях. Я не врач, конечно, но мне это напоминает вывих сустава.

– Молодой человек, очень наблюдательны.

– Нет, просто я подрабатывал в адвокатской конторе, вот, приходилось очень много деталей запоминать, чтобы потом в суде можно было обращаться к фактам.

– Ясенько. Ну, девушка... Да, гражданка Варвара Прокопенко, заметила совсем немного, я так понимаю. Кстати, не заметили, что у него было в руках?

– Нож.

– Понятно. Алексей, думаю, нужно ловить его на живца. Итак, молодые люди, спасибо за помощь, если что, мы Вам позвоним, – закончил Виктор Николаевич, улыбка на лице стала стираться и исчезать, почти как у Чеширского кота⁶.

– Простите..., – Варвара застёгивала молнию на пуховике.

– Да? – обернулся Виктор Николаевич, снова натягивая улыбку.

– Меня интересует некоторая статистика по преступности... Могу я как-то узнать о ней?

– А по какой причине интересуетесь? – в голосе послышалось напряжение и некоторое раздражение.

– Видите ли, я пишу статью. Про уровень смертности среди среднего поколения. Почти «предпенсионеров», как их сейчас будут называть. Вот... И мне нужно немного фактов. Я вам принесу письмо из редакции, да! Хотелось бы именно факты. Вы можете?

Моршанскому показалось, что Варвара дерзко и слегка игриво посмотрела на Виктора Николаевича. Хм... такое ощущение, что эта девушка умеет обращаться с таким контингентом. А, вспомнил Моршанский, точно, она же была с тем лысым. Точно. Наверное, ещё друг или как там у них называется это. Интересно, а со мной она тоже будет кокетничать и пытаться завести роман?

– Что за статья? – спросил он у Варвары, изображая интерес.

– Да такая немного ностальгическая статья. О том, что люди не выдерживают. Вот в 90-е выдерживали ровно эти же люди. Пытались сопротивляться. Просто они были молоды, и была огромная жажда жить, а ещё дети были маленькие. А сейчас они просто сдались.

– Ты сама-то веришь в это? Человек не должен сдаваться. – Моршанский вспомнил историю своих родителей и то страшное ощущение беспомощности перед жизнью. – Дело даже не в этом, ты говоришь, как в советские времена, там тоже были все эти пионеры-герои, стахановцы-передовики и прочее. Целая груда пропаганды, как нужно не сдаваться. Нет. Дело не в том, чтобы вечно сражаться. Нужно просто определить цели. Например, совершенствование себя. Благосостояние. Ничего в этом плохого нет. Страна в 90-е немного стыдилась этого, а кто-то хапал и пилил, ничего, выбился в люди, теперь никто не спрашивает, чем пахнут деньги. Будут деньги, остальное возьмётся. То поколение, о котором ты говоришь, это по сути последнее поколение, которое закончило школу или ВУЗ при прежнем строе. Им тяжело, наверное. Но ты пойми. Они сильные были там, в своей стране. А здесь стали слабыми. Потому что изменилась система ценностей. Теперь не обязательно зубрить учебник, чтобы быть отличником. Да и зачем эти мёртвые знания, подумай? Знания должны быть практическими. Ну, вот возьми меня. Я закончил юрфак. Уже была, конечно, нынешняя страна. Сама знаешь, как у нас быстро пишут законы. То есть, у меня есть навыки, есть практика. Но жизнь повернулась немного иначе, я сейчас просто такой менеджер, без определённых обязанностей. И продать могу, и руководить могу проектом. Могу копать, могу не копать. В целом меня это устраивает, но опять же, я понимаю, что это просто ступенька к следующей вершине. Вот ты спроси меня – а нравится ли мне работа, которой я занимаюсь? Я скажу – конечно, пока за неё платят деньги. Смотрю ли я на коллег как на каких-то своих друзей? Конечно, пока с их помощью я

⁶ Персонаж сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»

могу заработать деньги. Буду ли я горевать, если вдруг контора развалится? Конечно, если в этот момент я не смогу получить заработанное. Но не потому, что я так сильно привязался к хозяину или начальникам. Это и есть великая и могучая сила выживания в условиях вечной конкуренции. Конкуренция тренирует самое главное – не какое-то мифическое умение «не сдаваться», а умение всегда, при любых условиях, найти почву для укрепления. Помнишь эти деревья на юге? Они просто висят в воздухе, корнями вцепившись в камни. Вот на таком биологическом уровне нужно уметь выживать. Без всякой идеологии.

– Влад, но ты понимаешь, что есть люди, которые уже просто не могут перестроиться?

– Понимаю. Я понимаю. К сожалению, у меня мать так не смогла. Да много кто ещё...

Это жестоко. Я согласен. Ты знаешь, я сам всегда кину хоть булку бездомной собаке. И даже слёзы наворачиваются. Но собака – существо, которое не может выработать стратегию. Если есть выход, она спасается. Если нет выхода, то погибает. То есть, она живёт минутой, бьют – беги. Она не может планировать на много лет вперёд. А человек должен спасаться всегда, есть выход, нет выхода. Спасать себя, не сентиментальничать. Потому что можно потерять время.

– Ну... как-то по-людоедски получается.

– Да нет, просто мы забываем, что человек всё-таки биологическое существо. И чтобы выжить, нужно следовать природе. Вот, сейчас вспомнил одну теорию. Человеческое общество рассматривается как волчья стая. Есть там типы – вожак, охотник, советник вожака... Ну, и так далее. Интуитивно каждый выполняет свою роль. Просто в 90-е все вынуждены были стать охотниками. Но не всем это удаётся, нужно следовать своей роли. Как только мы вспомним о своём биологическом предназначении, не каком-то банальном – совокуплении, размножении и так далее, а именно о роли в стае. Но, тут интересная штука. Стая – это коллектив. Да, мы выживали многие тысячелетия в коллективе. Сейчас, по сути, сбиваться в стаи не обязательно. Нужно просто понять, ощутить свою роль, и использовать свои качества для выживания.

– Ты правильно сказал про коллектив. В предыдущие времена люди жили в коллективе. И выживали в коллективе. Насколько мне рассказывали мои родители, было принято ходить друг другу в гости, а если какая беда, обязательно помогать друг другу. Наверное, в них был этот стержень коллективизма, и поэтому они выжили. А когда стало немного легче, просто поняли, что не могут вписаться в эти новые человеческие отношения.

– Да, но эра коллективизма прошла. Сейчас другие ценности. Пойми, свобода – это возможность для каждого проявить себя. Ты, я, другие люди – все должны быть свободны. Даже от государства, оно ведь тоже сдерживающий инструмент. По сути, границ уже быть не должно, все границы давно стали условными.

Глава 8

Рабочая неделя пролетала быстро. Варвара приходила с лекций и падала без сил. С Андреем виделись редко.

В конце февраля она поднималась по лестнице и увидела соседку со своего этажа.

– Привет.

– Слушай, ты знала из соседнего подъезда женщину такую румяную, Надей звать? Фамилию не знаю, такая блондинка?

– Вроде видела. А что случилось?

– Так вот умерла. Ей еще и полтинника не было. Нашли в квартире, председательша рассказала, вскрывали дверь.

– А причина какая?

– Да пока не знаю, вот тут родственники бегали по двору, типа всех извещали.

– А милицию вызвали?

– Да, часа три что-то там искали. Но вроде криминала никакого не обнаружили, вот через три дня похороны.

Варвара зашла в квартиру с неприятным ощущением. Она еще не отошла от истории с Родионом Чесноковым.

Открыв холодильник, она поняла, что в доме «шаром покати». Нужно выходить в магазин, или перенести эту процедуру на утро...

Утром во дворе Варвара увидела дворничиху Любу, которая исправно чистила дорожку. Её ладная фигурка вписывалась в это раннее утро, как часть пейзажа. Любе было под шестьдесят, она была маленькая, с выдающейся грудью, энергичная и словоохотливая. Она остановилась, поправляя платок.

– Доброе утро! – поздоровалась она хрипловатым голосом. С Любой обычно велись житейские разговоры про растущие цены и большое количество снега, выпавшего за зиму.

– Варя, слушай... Что скажу. Я слышала, из третьего подъезда женщина умерла, Надей звали, – вдруг Люба сама начала интересующую и Варвару тему.

– Да, мне вчера соседка сказала, – Варвара приготовилась слушать, что-то подсказывало ей, что Люба владеет информацией.

– Так вот. Знаешь, я немного глуповата, конечно, но глаза имею. Я тут видела одного лысого, он с ней несколько раз прогуливался, под ручку до подъезда доводил. И знаешь, кто этот лысый? – Люба загадочно закатила глаза, совсем не к месту, выжидательно уставилась на Варвару.

– Нет, не догадываюсь.

– Так твой хахаль. – Люба наслаждалась эффектом, потому что Варвара немного дёрнулась, будто собралась бежать.

– Так, интересно... А когда ты его видела с Надеждой? – всё-таки нужно было узнать информацию до конца.

– Так буквально на прошлой неделе. Они шли такие весёлые, краем уха услышала, что вспоминали какие-то молодые годы. А ещё... Я же весь дом обхожу, сама знаешь. Ну и под балконами тоже, вот что нашла.

Люба протянула полиэтиленовый кулёк с несколькими бутылочками.

– Что это?

– А вот под балконом у Нади увидела. Так бы и не увидела, но он за куст зацепился. Так бы в снег провалился и до весны не увидели бы. Бросили недавно, позавчера.

– Погоди... А мне соседка сказала... Так. А почему ты думаешь, что это из её квартиры выкинули? И почему именно позавчера?

– Да потому что не первый раз. Раньше-то выбрасывала, да ей самой говорила при встрече, что ж ты, взрослая женщина, кидаешь мусор. Вот так её пристыдила на дорожке однажды, она и покраснела. Значит, точно она. Тут пустые бутылочки – перцовка, боярышник, ну, сама понимаешь. Не знаю, почему уж она так выкидывала, может, матери боялась. Быстро с балкона выкинула.

– Хорошо. Давай ко мне сюда этот мешочек... Спасибо, что про хахалю моего сказала... Пока события не очень связываются, не знала, что он с ней был знаком... Погоди... Когда умерла Надежда?

– А вот доподлинно неизвестно, обнаружили только вчера.

Варвара решала банальный вопрос – как поступить с Андреем, чтобы выжать из него информацию. С другой стороны, в душу закрадывалось подозрение, а может, он как-то причастен к её смерти. С третьей стороны она порывалась бежать в полицейский участок, чтобы отдать найденные Любой улики.

«Так, что мы имеем. – она пыталась рассуждать хладнокровно, – Есть повод присоединиться к расследованию, но для этого Андрей обещал позвонить Косте Тихонову, редактору, чтобы тот выписал удостоверение. Предварительно знакомство с Виктором Николаевичем уже состоялось, и это упрощает дело. Так. Осталось решить вопрос с Андреем. Бутылочки... А бутылочки нужно отдать следователю, это точно».

– Андрей Валентинович? Добрый вечер. Знаете, у нас с вами остался нерешённый вопрос с удостоверением, – Варвара тщательно изображала смущённую студентку, которой приходится напоминать забывчивому преподавателю об его обязательствах.

– А... Да-да, я просто запамятовал, с Костей переговорил, нужно прогуляться в редакцию и забрать это удостоверение. Сильно там со статьёй не увлекайтесь, я, конечно, просил, но несколько листов, не больше. Не нужно писать длинно. Да, и давайте ещё договоримся, нам нужно обсудить некоторые дела... – Андрей тоже говорил нарочито громко, чтобы у вечно подслушивающей жены не оставалось сомнений, что разговор идёт по делу.

– Именно поэтому я и звоню, Андрей Валентинович. И желательно, чтобы Вы заехали ко мне в любое время, как получится... – Варвара старалась говорить тихо, слегка интонируя фразы.

– Я могу сегодня, поздновато, но в целом, мне нужно ещё забежать кое-куда, давайте, я подскочу.

Какой резвый, подумала Варвара. Всё играет в Дон Жуана. Но предстоящая встреча её не сильно волновала. Она ещё не до конца осмыслила, что ей говорил Влад. А ведь он сказал что-то такое, что заставило её содрогнуться. Она будто отстранилась взглядом от текущей жизни, всё стало каким-то мелким. Выживание, приспособляемость... Что-то там еще из биологии, где-то симбиоз, где-то эволюция. Вот хамелеон – это эволюция? Наверное, вымрут все, кто не приспособился. В дверь позвонили. Оказалось, что снова пришла соседка.

– Варя, понимаешь, какая штука ещё с этой Надеждой?

– Слушай, а ты почему решила, что мне это интересно? – Варвара хотела узнать, почему Люба сразу определила, что для неё это важно.

– Варь, я знаю, что ты на журналистку учишься. – Люба хитро сощурилась, немного откашлялась. – И знаешь, у меня как-то сердце не так бьётся, понимаешь, чувствует, что что-то тут не так. Она немного выпивала, да, по-разному, короче, выпивала. Мамашка её тут бегала с братьями. Так припоминаю, они её вроде от алкоголизма пытались лечить в какой-то клинике. Несколько месяцев назад, я её встретила, идёт трезвая вроде, но какая-то грустная. Спрашиваю, Надюша, что-то случилось? Нет, говорит, просто родственники давят, что я за квартиру сама заплатить не могу, потому что работаю нерегулярно. Я ей говорю, ну, так многие сейчас перебиваются, что уж родственники-то, не в каморках, чай, живут, могут тебе помочь. Да, говорит, могут, да и квартира ведь всё равно им достанется после смерти моей. Я ей говорю,

что ты про смерть думаешь, ведь молодая ещё. Молодая говорит, да не сильно, а от судьбы никуда не уйдёшь, не знаешь, где ниточка натянута, об которую споткнёшься или горло пере-режешь. Вот такие мрачные у неё мысли были, понимаешь, – Люба выпалила эту информацию одним залпом.

– Спасибо... Да... Мне тоже кажется, что тут что-то не так. Как бы узнать причину смерти?

– Как-как... Может, с родственниками поговорить? – с сомнением спросила Люба.

– Хм... Как это будет выглядеть... Когда похороны, говоришь?

– Я так поняла, в пятницу.

Глава 9

Моршанский нехотя набрал номер.

– Диана? Привет. Как ты? Оклемалась? Скандалов дома не было? – он тщательно добавлял в ноты голоса заботу.

– Привет, всё хорошо. Может, встретимся? А то в прошлый раз было как-то не очень, мне показалось, извини.

– Хочешь реабилитироваться?

– Что-то вроде того, – Диана заинтересованно картавила в трубку.

– Ну, да, наверное. Слушай, у меня к тебе дельце небольшое есть.

– Хорошо. Когда встретимся?

– Ну, желательно в пятницу. Я могу вечером, сама-то как, можешь задержаться потом? Можно зайти в кафе, посидеть, ну, если хочешь, то и ко мне доехать. Как?

– Отлично. В принципе, в пятницу я свободна, – в голосе Дианы прозвучали радостные нотки.

Моршанский потёр руки, вроде, всё идёт по плану. Он вспомнил про Варвару и про их странное знакомство. Нет, с Варварой пока времени общаться нет. Хотя что-то цепляет его в этой девушке. Не хочется начинать с каких-то банальностей. В конце концов, это не Диана, у которой, похоже, с мужем проблемы. Диана есть средство. И не только для сексуальных утех, тут она его, пожалуй, больше использует. Варвара... Что она там говорила про поколение, которое не выдержало и уходит. Ну да, они уходят, просто потому, что еще помнят лозунги о справедливости. Эта тяга к справедливости у них в крови. Да и опросы последние говорят, что тяга стала усиливаться. А это не есть хорошо.

Простые люди, думал Моршанский, в целом не могут рассуждать о каком-то вселенском мироустройстве. И дело не в деньгах и не в их количестве. Многие богатые тоже попадают на удочку сказки о свободе. А свободы нет, даже для богатых. Есть предопределённость, распланные роли, сценарий. Да, бывают случаи прорыва из одного слоя в другой. Но случаи очень редкие. Свобода где-то должна существовать, хотя бы в идеале.

Сам Моршанский глубоко осознал, что время попадания в элиту прошло. Сейчас не помогут даже быстро заработанные деньги. Элита формировалась тогда, при разрезании вкусного советского пирога, хоть сейчас почему-то и принято говорить об этом почти в брезгливом тоне. Мол, там была тоталитарная система, и вообще, не такой уж сладкий пирог достался нынешним олигархам.

Моршанский, конечно, не верил в слезливые речи чиновников, что олигархи подняли промышленность, раздавленную при Советском Союзе. Это просто противоречило логике. Но высказывание Чубайса о том, что вместо бандитских коммунистов нужно было дать власть бандитам, или что-то в этом роде, что в стране возможен только бандитский капитализм, это высказывание он понимал. И принимал, потому что иначе невозможно накопить первоначальный капитал.

На самом деле, на лекциях по криминологии говорили то же самое, в Университете были достаточно зрелые и трезвомыслящие преподаватели. Практически, как устроен капитализм в его бандитском исполнении, Моршанский узнал еще в адвокатской конторе, в которой подрабатывал в студенчестве. Тогда уже не убивали, как в 90-е, но достаточно хорошо ставили на счётчик. И тогда, при расцвете цен на нефть, и создавался этот «цвет общества», который сейчас стал перерождаться. Моршанский понимал, что накопление первоначального капитала невозможно без криминала, но потом-то, потом-то ведь нужно переходить в цивилизованное русло. В конце концов, становиться буржуа, с определёнными правилами, уважением к бизнесу другого, с правильно выстроенными отношениями с государством.

И всё-таки смешная эта девочка Варвара. Есть в ней что-то чистое.

Моршанский понимал, что мысли путаются, а нужно привести себя в состояние стройности ума. Он взял записи с семинара Скоробогатова. Да, про талант. Основное ключевое направление, которое разрабатывает Скоробогатов, это развитие таланта. Моршанский решил, что его главный талант заключается именно в организации своего дела, и к этому он шёл упорно.

Владимир Скоробогатов составил ему чёткий план по систематизации как мыслей, так и действий. Поэтому, когда Варвара стала регулярно появляться в его мыслях, Моршанский понял, что программа Скоробогатова дала сбой. Впрочем, он и раньше это замечал. Пока глубоко погружаешься на тренинге, голова становится ясной, и путь впереди тоже. Но как только окунаешься в обычную рутину, мысли бегут наперегонки. Невозможно оставаться роботом, выполняющим программу. И дело не в пресловутых желаниях или важности, как говорится в книгах по трансерфингу. Дело в каком-то странном блуждании в тумане реальности.

Моршанский увидел, что его телефон начал пульсировать без звука.

– Да.

– Привет, Мор. Как наше ничего?

– Дела продвигаются неплохо, осталось немного утрясти еще проблемы по маленькому дельцу. Я работаю в этом направлении.

– Хорошо. Я жду от тебя результата. В целом на подходе есть интересные объекты, но пока говорить об этом рано.

– Я понял. Сегодня, если можно, не звони, мне нужно немного сосредоточиться. Я вряд ли возьму трубку.

– Ок.

Глава 10

Варвара открыла дверь и увидела запыхавшегося Андрея. Он через порог потянулся с поцелуем.

– Заходи, давай. Через порог не целуются.

– Слушай, я так торопился. Вот только пирожное схватил тут в кондитерской. – Андрей всё-таки дотянулся до неё влажными губами.

– Да ничего страшного, заходи. – слегка отстраняясь от него, сказала Варвара. – Не на приёме ведь у английской королевы. Помнишь, что ты видала при дворе, видала мышку на ковре. У меня мышек нет, конечно, но чаем напою.

– Как всегда, вывернешь слова, – обиженно произнёс Андрей.

Он схватил её в охапку. «Обычная игра обиженного мальчика с пылкими манерами», – подумала Варвара.

– Моя королева!

– Слушай, давай Тихонову звони пока, чтобы точно всё было. Я завтра за удостоверением. – Варвара освободилась от его объятий, мягко намекая, что сначала дело.

– Слушаюсь, моя королева!

Варвара пошла на кухню, а Андрей стал набирать номер Кости Тихонова. Через пару минут он зашёл на кухню.

– Всё нормально, с завтрашнего дня лови его в редакции, вернее, ловить не нужно, всё у секретаря. Не благодари!

– Ой, спасибо, Андрюшечка, ты так меня выручил! Ты понимаешь, тут всё так круто заворачивается, ну прямо детектив! – Варвара тщательно изображала благодарность, зная, что этот старый любитель молоденьких девочек ужасно гордится тем, что помогает ей в жизни.

– Интересно, про детективы мы не договаривались, только про криминальную статистику.

– Нет, ты не понял. Ко мне пришла подруга, Верочка, школьная. – Варвара приготовилась рассказывать историю, вспоминая детали разговора с Верочкой, но постоянно держа в голове, что умершая Надежда прогуливалась с Андреем совсем недавно.

– Да знаю, знаю, поэтому же и просила все эти договоры с Костей...

– Дальше интереснее. Вернее, печальнее. В третьем подъезде жила женщина, такая светловолосая, примерно твоего возраста. Надежда. Ты понимаешь, она умерла.

Варвара пристально посмотрела на Андрея. Нет, он даже не дрогнул. Хорошо.

– Барбара, понимаешь, люди умирают. То, что вокруг тебя, это случайное совпадение.

– Ну, понимаешь... Мне тут сказали, что видели тебя вместе с ней на улице. Понимаешь? Андрей напрягся.

– Как фамилия у соседки? – спросил он, будто что-то припоминая.

– Я точно не знаю. Надежда звали.

– Я скрываться не буду, я действительно на днях встретил свою однокурсницу, кажется, она живёт в вашем доме, как раз Надежда. Фамилия у неё была раньше Светлова, вот, не успел спросить, поменяла за жизнь или нет.

«Слишком легко он согласился с фактом. Или это нормальная реакция?» – крутилось у Варвары в голове.

– Ясно.

– Если это она... конечно, очень жаль.

– Ты говоришь, сокурсница.

– Дело в том, что она училась с нами один или два курса. Мы были в одной компании. Потом ещё несколько раз встречались. Ну, как-то раз встречал её, когда уже женат был... Дело

молодое, короче, – слегка смутившись, отвечал Андрей, Варвара заметила, что его лысина немного вспотела, или просто дома было душновато.

– Понятно. Ну, я тебе скажу. Не знаю, вряд ли ты пойдёшь на похороны. Как-то неприятно всё...

– Вот именно. Давай не будем грустить, в конце концов, у нас вечер выпал свободный.

– Вечер? – в голосе Варвары было плохо скрываемое разочарование, очевидно, констатировала она, Андрей точно ей стал в тягость.

– Ну да, я сегодня свободен! Аллочка уехала в командировку, она там на защите сидит, в Екатеринбурге попросили.

– Понятно, – сказала Варвара без энтузиазма. Чем займёмся?

– Ну, тебе решать, что хочешь. Завтра с утра я на кафедру, в принципе, можем вместе поехать.

– Да нет, это будет неудобно. Знаешь, Андрей, может быть, нам нужно пореже встречаться? – она вопросительно поглядела на его слегка осунувшуюся фигуру.

– Ты завела себе кавалера? – в голосе Андрея послышались знакомые ревнивые мотивы.

– Нет, не завела... В конце концов, это же не собачка какая-то. Нет, не завела, но, понимаешь, наши отношения... как бы это сказать... неравноправные, что ли...

– Ты хочешь, чтобы я развёлся с женой? Пойми, дело не только в квартире, кстати, реально, к квартире я не имею никакого отношения, и не могу её распиливать при разводе. Ну, у нас дети, они приезжают в гости, я же тебе говорил. Маша в Москве, в аспирантуре, Степан трудится в Сколково. Ну, ты понимаешь...

«Опять повторяет свои доводы, как мне это надоело, доводы всегда одинаковые, как надоевшая пластинка», – механично отмечала про себя Варвара.

– Да я понимаю всё, Андрюша, но и ты меня пойми. Я тебя очень уважаю как человека, как друга...

– Ну хорошо, а как любовника? Да ладно, Барбара, не стесняйся.

Зазвонил телефон. Варвара схватилась за него, как за спасательный круг.

– Да?

– Странный вопрос, вроде бы.

Голос сразу стал теплее, когда она поняла, что звонит Моршанский.

– Это Влад. Варя, ты одна? Варя, слушай, я не знаю, как тебе это объяснить. Понимаешь, ну я вот сижу и тупо хочу тебя видеть. Я понимаю, что расстояние между нами ну буквально километр, то есть я пешком могу прибежать к тебе, и понимаешь, вот около часа не мог себя заставить позвонить...

Моршанский плёл что-то про их странную встречу, про странные обстоятельства, про то, что, наверное, в этом что-то есть, что они постоянно пересекаются, и так далее, и так далее.

– Кто это? – ревниво спросил Андрей, начиная уже что-то подозревать.

– Так, по учёбе, – закрыв трубку, ответила Варвара.

– Не похоже. Ладно, я жду тебя в комнате.

– Влад, – сказала тихо Варвара, когда дверь закрылась. – Я не могу сейчас говорить. У меня тоже есть ощущение, что мы что-то не успеваем сказать друг другу, и что нам будет хорошо общаться. Такое редко бывает. Последнее время у меня почти никогда. Вот вроде встретишь человека, и весело с ним, и добрый... У меня есть приятель, Женька, вот он добрый. А ты другой. Ты и не добрый, и не злой, но какой-то магнетический, – она сама не поняла, как из неё это вырвалось, ведь это признание в симпатии.

– Смешная ты, Варвара. Давай договоримся, может, в субботу. Только давай не в людное место. Хотя где у нас нелюдные места... Гулять можно днём. Правда, ледового городка уже нет. А по набережной, наверное, смешно, река-то во льду. Давай я тебе позвоню в субботу, и мы договоримся.

Глава 11

Варваре не терпелось встретиться с Виктором Николаевичем. Она отправила Андрея на кафедру, а сама решила посвятить день совсем другим делам. Нужно было съездить к Тихонову в отдалённый район, за удостоверением, а потом в полицию.

Андрей на волне своей ревности не давал ей уснуть почти до утра, но она быстро собралась после его ухода.

День был пасмурный, с утра валил снег, а во дворах рабочего района стояли трактора и другая техника. Казалось, что в городе одновременно забыли убрать огромные сугробы и под ними прорвалась канализация. Везде что-то копали, разрывали– зарывали, в итоге весь город выглядел как после бомбёжки.

Редакция областной газеты располагалась в многоэтажном здании. Кабинет Тихонова был на третьем этаже. Секретарша оказалась довольно любезной, когда услышала её фамилию.

– Пожалуйста. Всё правильно? Варвара Прокопенко? Да, будете у нас внештатным корреспондентом. Вот, пожалуйста, визитка, ждём от Вас материалов.

– Спасибо. Да, и спасибо Константину...

– Петровичу. Да, обязательно передам. Успехов!

Варвара выскочила из редакции и махнула рукой такси. Вообще, она не любила так махать рукой, когда есть более цивилизованные средства обеспечения движения по городу.

– Отделение полиции, Пушкина 13.

Дорошин Виктор Николаевич сидел вместе с молодыми оперативниками и мешал ложечкой чай.

– Здравствуйте, я Варвара Прокопенко, недавно у вас была, заявление писала, ограбление в банкомате, – запыхавшись, сообщила Варвара.

– Помню. Присаживайтесь. – Дорошин улыбнулся своей фирменной улыбкой с милыми ямочками на щеках.

– Помните, я говорила, что хочу написать статью и мне нужна статистика?

– Помню.

– Вот моё удостоверение, чтобы было всё официально.

Дорошин покрутил удостоверение, удовлетворённо хмыкнул, и обратился к пареньку, сидящему в углу за компьютером. Очень худой, невысокий, в очках, явно какой-то местный «ботаник», подумала Варвара.

– Алексей Шашерин, мой помощник. Алексей, нужно помочь девушке, – многозначительно попросил он его.

– Виктор Николаевич, это одно. А ещё у меня есть кое-что. Хочу рассказать.

– Хорошо, пойдёмте в мой кабинет.

Кабинет у Дорошина был небольшой, но уютный. На столе красовалась фотография, видимо, с дочкой. Девушка была очень похожа на Дорошина, оба стояли с фирменными улыбками.

– Дело такое. Не знаю, на моих ощущениях. В общем, у нас в доме на днях умерла женщина. Зовут Надежда, – Варвара назвала полный адрес.

– А что удивительного? – переспросил Дорошин.

– Казалось бы, ничего. Но, я разговаривала с соседкой, она её видела накануне смерти, та вроде грустная была, говорила, что родственники давят на мозг, потому что за квартиру они платят. Дальше. Встречаю дворничиху – она мне даёт вот это.

Варвара достала кулёк с бутылочками.

– А с чего решили, что это из той квартиры?

– Да не в первый раз, оказывается. В общем, странно, зачем выбрасывать на улицу, можно же до мусорных баков дойти. Но дворничиха имеет предположение, что умершая боялась своей матери.

– Ладно, хорошо, но почему в этих как бы уликах вы видите криминал? – Дорошин внимательно смотрел на Варвару.

– Виктор Николаевич, можно на «ты», так проще будет. Почему. Объясняю. Соседка была замечена в злоупотреблении алкоголем. Ну, понимаете, ей и пятидесяти не было. Потом, там полицию вызвали, что-то смотрели. Но вроде как ничего не нашли. Может, это как раз улики, раз их выбросили из окна. Кстати, не совсем понятно, когда именно выбросили. Люба, дворничиха, говорит, что пару дней назад. Получается, либо тогда, когда она еще жива была, либо...

Дорошин взял трубку внутренней связи, набрал телефон.

– Хорошо. Алексей, посмотри, за... Когда, говоришь?

– Вчера или позавчера, я не совсем поняла.

– Алексей, посмотри за оба дня. Адрес? – Варвара сказала адрес. – Мы выезжали?

– Минуточку... – на том конце стучали клавиши, Дорошин включил громкую связь. – Нашёл. Надежда Светлова.

– Приноси.

– Да, Надежда Светлова, точно, – подтвердила Варвара.

Щуплый Шашерин протиснулся в кабинет и положил тоненькую папку.

– Ну вот, что имеем. Так... 24 февраля был зафиксирован вызов. Родственники не могли попасть в квартиру. Выехал участковый и бригада. Так. Квартира была закрыта изнутри. Вот, что изнутри, это говорит о том, что случай – вряд ли преступление, – комментировал документы Дорошин.

– Ну да, выйти и закрыть с той стороны. Дверь закрыта на щеколду, – подтвердил Шашерин. – Да... Так-так... Мысль... То есть, даже если она и была с кем-то, то человек вышел абсолютно сам, и она дверь закрыла.

– Да, именно. Ладно, читаем дальше, обнаружена в ванной комнате на полу. Следы ударов о каменный пол. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Результат осмотра помещения – в комнате находится кровать, шкаф для одежды, комод и сервант. Так как ничего конкретного не искали, то ничего и не нашли. В общем, обычная смерть в своей квартире. Из опросов матери, её братьев – не видно, что какие-то вещи пропали. Единственно, мать указывала, что у неё были изделия из природных камней и серебра. Ей показалось, что исчезли какие-то бусы, с круглыми камнями, то ли желтоватые, то ли разноцветные. Она их видела раньше на комод, сейчас не обнаружила. И несколько серебряных изделий тоже. Но вполне возможно, что Светлова заложила их в ломбард, по мнению матери, потому что постоянно нуждалась в деньгах. Про бутылочки тут ничего не сказано, отмечено, что Светлова, со слов матери и двух братьев, выпивала. Что именно выпивала, неясно, но в целом это неважно. Важно то, что могла употреблять и боярышник, – резюмировал Дорошин.

– Виктор Николаевич, а можно экспертизу сделать с этих бутылочек? – спросила Варвара.

– Знаешь, давай сделаем, – согласился Дорошин.

– Да, и ещё. Тут, понимаете, ещё есть один случай похожий. У меня школьная подруга недавно тоже лишилась отца. Проживал один, обнаружили поздно, через месяц, поэтому причина смерти вообще не понятна, – Варвара приготовилась рассказывать историю Родиона Чеснокова, последнее время у неё никак не получалось донести до собеседников всю информацию и возможную связь между этими смертями.

– Давай сначала начнём со Светловой. Если будет что-то интересное, я позвоню или попрошу Алексея. Сейчас у меня тут совещание. Ты пройди с Алексеем, данные по смертности он тебе даст. Как-то так.

Варвара посидела еще с Шашериным. Как оказалось, он подрабатывал на часть ставки, обслуживал компьютеры в отделении. Они открывали разные отчеты по статистике, Варвара просила переслать файлы, потому что записывать на листочках не имело смысла.

Глава 12

Вечером того же дня в гости зашёл Женька. Она была ему рада, потому что, казалось, что он был такой открытый, непосредственный, ранимый.

– Ты откуда?

– Мимо шёл, шабашка была тут в детском саду. Подбросил шабашку старый приятель, ещё осенью. Ну, пока дети собирались, вот сейчас общие фото делаю и потом буду обрабатывать. Так не могу дозвониться до приятеля, хотел поблагодарить. Он мне ещё и часть аппаратуры дал в аренду, а денег не взял. Добрый он. Сейчас хочу закончить и возвращать.

– Что за приятель?

– Родион, он опытный фотограф. Но, к сожалению, последнее время пьёт. Вот хотел ему хотя бы еды купить, что ли. Деньги давать нельзя. Пропьёт. Вот так и умирает наш брат-пролетарий.

– А фамилия как? – с нарастающим интересом расспрашивала Варвара.

– Я не знаю, я с ним пересекался раньше на выставках, нас познакомили. Родион и Родион. Такой невысокий, у него еще щербина на верхнем зубе. А он всё равно улыбаться любит.

– А живёт где?

– Недалеко отсюда, в центре. Хотя... Я заходил сначала в одно место, он с женой жил. А потом мы просто на аллее встречались, говорил, что сейчас в другом месте вроде живёт, жена разменяла квартиру, его отселила. Поставила условие, что будет жить один, а с квартирой сделать ничего не сможет. Ну, он весело это рассказывал, только в глазах грусть стояла. Знаешь, как бывает у этих стариков?

– Понятно. Он старик, что ли? А дочка у него есть?

– Может, не старик, конечно, но так выглядит. Про дочку не слышал. Может, и была. Я же говорю, мало с ним знаком...

Как-то странно. Будто бы и глаза отводит. Варвара поняла, что речь идёт о Чеснокове. Почему поняла, неизвестно. Интуиция. Женька будто скрывает что-то. Аппаратуру на аллее забирал? Странно. Ощущение, что Женька самый искренний среди всех, с кем она общается последнее время, стало улечиваться.

– Когда, говоришь, его видел? – спросила она с пристрастием, тут же изображая безразличие.

– Ну, месяца полтора назад. Нет, раньше, перед новым годом, запарка стояла у всех, шабашки нужно было хватать, вот и взял аппаратуру. Ему тоже особо некогда было, быстро встретились на компросе, он мне аппаратуру принёс.

– Ясно.

– Слушай, налей чайку, я совсем продрог. А у меня с ногой проблемы сейчас. Представляешь, прыгал через канавку и полетел. Очнулся, гипс. Когда мы сделаем революцию, не нужно будет носиться по шабашкам.

– Почему не будешь бегать по шабашкам?

– Да потому что все найдут работу по душе. Сначала учёбу, а потом работу. А то приходится носиться как конь вороной. Будем поднимать промышленность. Делать новую промышленную революцию.

– То есть, ты уверен, что будет революция?

– Конечно, будет. Но сперва рабочий класс осознает, что он эксплуатируемый. Сейчас это не рабочий класс, а какой-то пластилин. Лепи из него, что хочешь. Рабочий класс – это когда каждый осознал, что его труд отбирает капиталист.

– Но ты ведь на себя работаешь. Налогов не платишь. У тебя-то кто отбирает?

– До поры – до времени. Буржуазное государство всё равно доберётся до меня своими костлявыми ручками и придушит.

– Ну, зато свобода выбора. И можно поставить цель и заработать.

– Пойми, свобода при буржуазном строе весьма условна. Это свобода для правящего класса. Это свобода посадить в чиновники таких людей, которые беспрепятственно будут голосовать за нужные законы. Буржуазия правит не отдельными личностями, а всем классом сразу. Чиновники – это выразители идей буржуазии. А для трудового народа только свобода в выборе эксплуататора. Он вынужден продавать свою рабочую силу – иначе не выживет. Вот и вся свобода. Свобода или жизнь, почти что как – кошелёк или смерть. Так и тут – свободным-то ты можешь быть, но если средства производства в руках определённых людей, то как быть свободным, ты всё равно из-за голода пойдёшь продавать свою рабочую силу.

– Хорошо, а какое государство необходимо? Недавно мне тоже говорили, что государство ограничивает свободу.

– Государство диктатуры пролетариата. Но потом и оно будет не нужно.

– Брр... диктатура. Как-то неприятно. Я ведь не пролетариат.

– Вот в этом и есть основная ошибка интеллигенции. Она не хочет объединиться с пролетариатом. Она, по сути, кормится из рук буржуазии, вместо того, чтобы объединиться с эксплуатируемым классом. В годы Октябрьской революции прогрессивная часть интеллигенции всё-таки признала диктатуру пролетариата.

– Женька, ладно, это всё интересно, но реально мы живём пока в другой стране. Ты ведь не экстремист? Скажи, что нет, а то мне страшно.

– Варя, пойми, нужно начинать осознавать, что происходит. Нет, я не экстремист, конечно. Моя цель – просветительская. Сейчас революция в этой стране невозможна. Получается, что мы должны работать для будущих поколений. Думаешь, Маркс зря всё это писал или на пустом месте? Он же предвидел, понимаешь. Или ты всё ещё веришь статьям про «глубинный народ»?

– Что за статья? Видно, я что-то пропустила.

– Статья о том, что у нас народ глубинный и нужен верховный правитель, а демократия с выборами не нужна.

– погоди, но это, как я понимаю, уже про монархию, а никак не про коммунизм?

– Я и толкую про это, это откат в средневековье, даже не в век Просвещения. Сейчас идёт интересная игра всех течений. Монархических, лево-патриотических, либерально-правых, ну, и куча всего мелкого и непотребного. И все, все хотят власти. Левые тоже неправильные. Они хотят объединиться с мелкобуржуазными партиями. Даже коммунисты за какой-то непонятный, реанимированный и модифицированный социализм.

– То есть, ты и не с коммунистами?

– Я с рабочими и теми, кто может это движение возглавить. По сути, нужно изучать первоисточники, Маркса, Ленина, чтобы понять текущую ситуацию и выбрать верный путь.

– Ой, какой ты революционный. А вообще... Возможно, я напишу про революцию. Везде что-то кипит, недовольство растёт... Я уже написала кое-то, хочу продолжить... Слушай, поздно уже, отправляйся домой, а мне нужно ещё статью написать. Тут странные смерти происходят вокруг.

– Давай поговорим тогда об этом, – переключился Женька, чтобы немного успокоиться.

– Ну, в общем, мне кажется, что Родион, про которого ты говоришь, тоже мёртв.

– погоди-ка...

Женька вытащил телефон и стал кого-то искать в записной книжке.

– Алло... Вовчик? Привет. Слушай, ты Родиона давно видел?

На том конце провода что-то отвечали. Женька молча слушал. Потом нажал на «отбой».

– Слушай, ты права. Буквально в начале месяца мой приятель Вовчик ходил на похороны. Из наших он тоже. Ага. Говорит, что в квартире его нашли, вроде как пневмония. Ну, там такая история, что в новом году никто не вспоминал про него. Жена хватилась. Вот и обнаружила.

– Тебе не кажется странным, что почти через месяц?

– Да всякое бывает. Мы же не знали, как они там жили или не жили. Так... То есть, мне сейчас аппаратуру ей придётся отдавать.

– Возможно. Хотя зачем она ей.

– Так если он в другом месте жил, я и адреса не знаю. В общем, ладно... Разберусь.

Женька как-то засуетился, засобирился, Варвара облегчённо вздохнула. Она посмотрела в окно, когда он выходил. Да, хромал он заметно.

Варвара проводила Женьку и на одном духу написала статью:

В последнее время все чаще и чаще вокруг вспыхивают разговоры о революции.

Есть классические истины, что революция – конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Революционная ситуация в трех словах может выражена как бессилие верхушки удержать власть, ухудшение жизни низов и на фоне этого всего повышенная активность народных масс. Но революция – это крайний метод, когда уже остановить ее невозможно. Есть еще метод – эволюционный. Рассмотрим некоторые из течений, которые так или иначе двигают идею революции (эволюции) в стране.

Нынешние либералы предлагают эволюционный метод – постепенно, постепенно довести капитализм до социального капитализма с человеческим лицом. Но, при всей постепенности и либеральности, добиться того, чтобы доходы от продажи недр страны работали на всё общество. Здесь я всегда вспоминаю фразу из фильма «Игла». Цой говорит товарищу, сидящему на трубе: «Кто-то сидит на трубе, а кому-то нужны деньги». Мне это кажется метафорой – и даже либералы хотят, чтобы с трубы слезли. Разумеется, всё это направляется на медицину, образование, развитие науки и так далее. Чем не социализм, если в этом обществе гарантировано право на жильё, образование, медицинское обслуживание, пенсию? Это путь эволюции.

Второй метод – революционный. Этот метод часто проявляется в обычных житейских разговорах. Но доморощенные революционеры ещё не созрели, на мой взгляд, до организованной борьбы. Для них это или выплеск эмоций, или философские рассуждения о том, как здорово бы было создавать марксистско-ленинские кружки по всей стране и выращивать классовое сознание.

В этом плане человек, которого нельзя называть, больше революционер, потому что ему удалось создать сеть штабов, внедрить механизм достаточно скоординированных действий, организовать изготовление листовок и другой атрибутики, самое главное – быть в Сети. Это, как ни верти, очень важно в деле революции. Сейчас такое время, когда любые действия должны быть синхронизированы до минуты. Минуты могут решить всё, если дело действительно дойдет до организованных выступлений. И всё это мы хорошо видели в этом году, накануне выборов.

Далее, в воздухе витает идея, что нужно «выгнать олигархов». Начинаю спрашивать – их выгоним, а что дальше? Продолжают – разогнать правительство. Прекрасно, каким образом? Это же свержение власти революционным путем. Нет, говорят, это нужно взять и разогнать, но оставить президента. Хорошо, возьмём их собственность, допустим, на этом предприятии у какого-то олигарха контрольный пакет акций. А остальные акции – у простых рабочих. Не все ведь акции свои продали, кто-то ими владеет. Например, речь идёт о нефтяных компаниях. То есть, рабочие этих компаний неожиданно станут работать на государственном предприятии. Это национализация? Ну да, национализация. Идём дальше. Олигархов прижали, они, собственно, вряд ли ждуют, когда их посадят, возьмут свои паспорта с другим гражданством, и их тут нет. А вот что делать с мелкими собственниками? Мы ведь

все теперь собственники. Мне говорят – да с мелкими собственниками никто заморачиваться не будет, что с них брать-то. Привожу пример знакомой семьи, три поколения, в совокупности два дома, три квартиры. Мне тут же говорят – люди нажили непосильным трудом, на двух работах. Да, я знаю, что приходилось работать на двух работах. Мне говорят, вот итоги приватизации предприятий нужно пересмотреть, а собственность отдельных личностей не нужно.

Тут я задаю главный вопрос – а кто-то будет разбираться с этим? На какие деньги купил и когда? По наследству что-то досталось или другим образом? Люди будут смотреть на факт – есть огромный дом и еще несколько квартир в городе. А вот у товарища Швондера может быть однокомнатная квартирка на окраине и семья с тремя детьми. Вывод-то очевиден. То есть, те, которых мы хотим наказать, спокойно отвалят в другие страны. Очень может быть, что к тому времени они уже в России всё продадут, и национализировать будет нечего.

И получится, как в поговорке, что «пань дерутся, а у холопов чубы трещат». Не просто трещат, а кроваво трещат. Ведь собственник дома (из примера) не будет сидеть и дожидаться, когда его «раскулачат». Наверное, что-то делать будет для того, чтобы защититься.

И снова – а мы этого всего хотим? Мы хотим, чтобы у нас отобрали последнее, чтобы только сменить одно правительство на другое? Возможен ли возврат в СССР, когда земля и недра принадлежали государству? Стоит ли слушать популистов, которые в одном месте говорят, что основные отрасли будут государственными, а сами спокойно держат счета в иностранных банках? При этом они являются то ли коммунистами, то ли капиталистами – разобрать невозможно.

В одной статье я прочитала, что накануне февральской буржуазной революции никто ее не ожидал. И самое главное – не хотел. Но она сама как-то развернулась и произошла.

Кто-то активно раскачивает лодку революции. Кто-то видит светлые перспективы, кто-то боится террора. Каждый решает сам, «плыть в революцию дальше» или нет. Вероятнее всего, такой выбор придется всё-таки делать.

Варвара разместила статью у себя на свет дзен-канале.

Глава 13

Статья о «невписавшихся в рынок» не клеилась. Алексей Шашерин, помощник Дорошина, дал несколько сводок по центральным районам. Из сводок выходило, что в принципе нет каких-то всплесков смертей. Варваре стало казаться, что у неё паранойя.

Предположим, что это насильственная смерть, способом, какой ещё не понятен до конца. Кто от этого выигрывает? Соседи? Соседи, конечно, выигрывают, никому не нравится, что кто-то ходит без денег и собирает бутылки.

В случае с Родионом Чесноковым было именно так. В случае с Надеждой – кому она мешала? Ведь неизвестно, кто будет жить потом. Квартира. Да, квартиры не очень, в обычных старых кирпичных домах. Но центр города, периодически они подсакакивают в цене. Так. Кому достанутся эти квартиры? Надо позвонить Верочке.

– Верочка, привет. Слушай, вопрос о твоём отце. Ты говорила, мать его выселила?

– Ну, не совсем так, просто разменяла квартиру, но, чтобы он не пропил, наложила обременение. То есть, чтобы продать не смог.

– То есть, формально квартира на нём, а сейчас просто в наследство вступаете?

– Ну да, я и мать.

– Хорошо. А квартира какая?

– Тут получилось так, что на него оформили нашу квартиру, а его квартира на матери. Просто у него там какая-то льгота была, ещё несколько лет назад инвалидность оформлял, вот так выгоднее получилось.

– Ясно. Запутанно, но ясно. То есть, в принципе, получается, сейчас вы свою же квартиру будете в наследство получать.

– Как-то так.

– Хорошо. Пока я тут немного отвлеклась ещё на один случай, но случай с твоим отцом вписывается в эту общую историю.

Ночью совсем не спалось, а статья писалась и писалась. Варваре хотелось донести главную мысль – безвременно уходит поколение людей, которые смогли выжить в перестройку и сейчас неожиданно сломались. Но, несмотря на то, что они не «вписались в рынок», получается, что они имели хоть какую-то собственность, которая очень кстати наследуется родственниками. Нет ли в этом какого-то злого умысла, спрашивала Варвара в статье. И тут же одёргивала себя (или делала вид), что пока нет никаких доказательств, нельзя кого-то обвинить и вообще отнести случай смерти к преступлению. В общем, статья вышла не слишком весёлая, но со сплошными вопросительными знаками. Варвара позвонила Андрею, чтобы поделиться радостью, трубка долго молчала, затем сонный женский голос сказал «алло».

– Кто это, пупсик?

– Номер не определяется, может, ошиблись.

Понятно, подумала Варвара. Папик боится, даже в телефонную книгу меня не внёс. Странно всё-таки. Как-то он привязан к своей жене. Последнее время поёт дифирамбы почти. За глаза называет «хомячком», а в глаза «пупсиком». Да, он что-то говорил об этом...

«Понимаешь, – говорил Андрей, – я не могу вот так с ней расстаться. Даже не потому, что дети, на самом деле. Я её очень уважаю, ценю, даже люблю в какой-то степени, но она для меня не совсем женщина. Однако я ведь старше, поэтому лелею её, забочусь о ней. Ну, как мой хомячок без меня. Вот так привязалось – хомячок. Маленький, пушистый, вечно что-то грызущий. Пойми, она сама себя сделала – и диссертацию защитила, и всё время на тренинги носится, это помимо того, что преподаёт. Это, понимаешь, очень тяжело, и я, в общем-то, ей помогаю – в быту, например. Она ж сумасшедшая, то на научной конференции, то летит на край света». Зазвонил телефон.

– Барбара, что случилось? – прошептал испуганным голосом Андрей.

– А, привет. Да ничего, хотела статьёй похвастаться, на время не гляжу. Сам как, хомячок не укусил? – язвительно спросила она, чтобы немного ущипнуть престарелого любовника.

– Да нет, она спит, ничего не поняла, конечно. Хорошо, что наизусть твой телефон помню.

– Смотри, она ведь, наверняка, твои звонки изучает. – продолжала издеваться Варвара, в глубине души уже немного жалея Андрея.

– Да нет, хомячок занят только собой. Ладно, высылай статью, поправлю, сам Косте пришлю. Как вечер прошёл?

– Спасибо, милый! Да обычно, вот Женька забегал, грузил меня марксизмом.

– Марксизм – это хорошо, только в нашей стране для этого ещё условия не созрели. Сейчас в ходу либерализм. Ну да ладно. Что-то часто он там стал у тебя околачиваться.

– Смотри-ка, вы почти одни и те же вещи мне рассказывается, про невозможность революции. Нет, не часто он тут бывает, всё время занят своими революционными делами на рабочих окраинах. Просто в центре был, удобно, замёрз – прибежал погреться. Зима на дворе, однако, хотя скоро-скоро...

Глава 14

Статья всё-таки написалась одним холодным утром и вышла в свет быстро, буквально через неделю. Варвара ходила в приподнятом настроении. Издание, конечно, не столичное, но кто-то всё равно выписывает. Или в Интернете читает. В общем, статья пошла в массы. У неё и раньше бывали статьи, на уровне университетской газеты. Но тут, краевая газета, как-никак, а есть чем гордиться.

Неделя проходила слишком спокойно. Весна... Когда она перестала волновать Варвару? Может, когда она связалась с Андреем, папиком... Как-то весна сразу стала неромантическим временем года, а обыденностью. Это было... Да, это было год назад. Сначала казалось, что есть ощущение полёта, а потом появился вкус второсортности и заплесневелости.

Немного загадочной фигурой всплывало в памяти имя Влада, но Варвара даже не строила планов. До Андрея любая встреча сулила какие-то приключения, влюблённость, на худой конец, дружбу.

А сейчас ей просто нравился Влад, но какой-то необходимости видеть его постоянно она не ощущала. Он ведь симпатичен, вежлив, видно, что не совсем дурак. Может, даже совсем не дурак. Вот только что у него в жизни, они ведь так и не поговорили. А что значит «поговорить». Вся жизнь на бегу...

Варвара открыла группу краевой газеты в социальной сети и увидела комментарий под своей статьёй. Писал некий Володя: «Автора статьи прошу со мной связаться, есть важная информация». Она зашла на страницу этого Володи, ничего интересного, обычная безликая страничка, информации практически ноль, интересы хозяина почти не угадываются.

Она написала Володе: «Я автор статьи о смертности, что Вы хотели мне сообщить?». Володя откликнулся почти сразу.

«Меня зовут Володя, я знал Родиона Чеснокова, про которого ты пишешь в статье.»

«А как Вы догадались, что про него?»

«Просто в какой-то момент. Позвони мне, я тебе скажу важное».

Варвара набрала номер, который прислал Володя.

– Привет. В общем, так. Я ни в какие версии смерти от пневмонии не верю. Я видел его полтора месяца назад. Кстати, он шёл с каким-то парнем, молодым, прихрамывающим. Да. И парень нёс большую сумку, похоже на аппаратуру. Я, конечно, не в курсе, может быть, они планировали какую-то совместную работу.

– А где Вы их видели? – быстро спросила Варвара.

– Да на компросе, на аллее. Весёлые такие. Хотя было и холодно.

– А парня можете описать?

– Ну, такой худощавый, в курточке чёрной. Да, шапку в руке держал, на голове жиденький хвостик такой. Я его сбоку видел. Рост примерно сто восемьдесят или выше.

Перед Варварой мгновенно возник образ Женьки. Да, и хромает он, и аппаратуру брал, причём не скрывает это.

– А почему не верите в болезнь?

– Ну, в общем, выпивали мы вместе часто с Чёсом. – Володя помолчал, будто что-то вспоминая. – Жаловался он на жизнь. Говорил, что жена ждёт, когда помрёт и квартиру освободит.

– Это ничего не доказывает, верно?

– С одной стороны, да, но с другой как-то я с месяц назад стучался к нему, он не открыл. Несколько раз так проходил, показалось, что в квартире кто-то ходит.

– Ну, если бы кто-то ходил, неужели с трупом? Может, заходила жена, а он спал, например.

– Да кто его знает, может, выгода какая была – труп долго держать. Например, чтобы яд испарился или не мог быть определён.

– Понятно. Но это всё равно догадки. – Варвара будто уговаривала неизвестного Володю не сомневаться в выводах патологоанатомов. – А что-то ещё странное не наблюдали? Видите ли, я сейчас, по сути, наблюдаю за этими случаями, и, собственно, почему занимаюсь... Потому что факты какие-то всё время всплывают. Да и следователи теперь со мной общаются, помогают.

– Так я поэтому и просил позвонить, раз ты там своя. Хорошо бы что-то поискать на квартире, мало ли, записи какие, ну, не знаю, что-нибудь. Да и паренька этого, с аппаратурой, нужно поискать.

– Хорошо, спасибо, Володя, будем на связи.

«Кажется, я знаю этого паренька», – подумала Варвара. Позвонить или не позвонить Дорошину?

– Виктор Николаевич, добрый вечер, Варвара Прокопенко звонит. Есть ли данные по содержимому бутылочек?

– Варя? Привет-привет. Хорошо, что позвонила. Содержание очень интересное, знаешь ли. Да... В общем, бутылочки из-под боярышника, понятно, что там спирт. А еще сильные нейрорептики. Мы, кстати, уже ордерок на обыск выписали. Вот жду, что наруют молодые, дал команду участковому...

– Виктор Николаевич, помните, я говорила, ещё случай был похожий? Ну, на мой взгляд похожий. Это отец моей школьной подруги, Родион Чесноков. Сегодня на связь вышел его собутыльник, говорит, что тот жаловался на жену, мол, хочет быстрее сжить со свету, чтобы квартира осталась. Да, квартира там по-умному записана, живут в ней жена и дочь, а вот на них записана его маленькая квартира. Какие-то манипуляции с налогами. В общем, сейчас они вступают в права, через полгода, разумеется.

– Ну хорошо, ты что предлагаешь?

– Я предлагаю посмотреть на эту смерть с точки зрения похожести.

– Да... Ну, видишь, бутылочки-то мы посмотрели, сейчас вот что найдём... Погоди...

Дорошин говорил с кем-то.

– Слушай, ещё интереснее, – включился в разговор с Варварой. – Нашли на квартире рецепты, как раз на нейрорептики. Наши эксперты говорят, что с алкоголем они не должны были смешиваться ни в коем случае. Понимаешь, к чему я?

– Не совсем.

– Ну представь себе. Тебе выписывают сильные лекарства. Говорят – употреблять с алкоголем нельзя. Что ты будешь делать?

– Понятно, что пить брошу, – неуверенно ответила Варвара.

– Хорошо. Кстати, я твою статейку читал. Так вот ты там мысль развиваешь, что эти маргинальные типы, которые сейчас неожиданно умирают, мол, в депрессии. Может, Надежда Светлова специально так сделала, как думаешь? Развиваю мысль – зная, что так действует лекарство, смешанное с алкоголем, например, в минуту отчаяния применить его именно для того, чтобы покончить с этой жизнью...

– Не думала об этом...

– Понятно, что не думала.

– Послушайте, у меня есть приятель Перевалов Андрей Валентинович. Так вот, дворничиха видела их вместе, с Надеждой, ну, незадолго... Кстати, я сама его спросила, он сказал, что с ней учился. Но мне кажется, что у него с ней был роман, давно может, в молодости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.